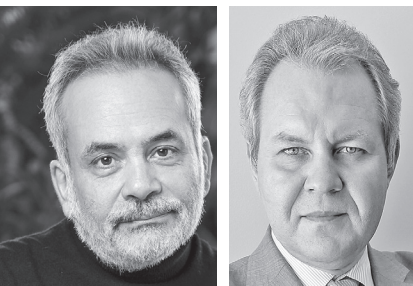


АЛЕКСАНДР  
АБАЛОВ,  
ВЛАДИСЛАВ  
ИНОЗЕМЦЕВ

## Судьба обреченного: к столетию Советского Союза



*Александр Рэмович  
Абалов (р. 1966) –  
заслуженный учитель  
Москвы, преподаватель  
истории лицея № 1535  
(Москва).*

*Владислав Леонидович  
Иноземцев (р. 1968) –  
директор Центра исследо-  
ваний постиндустри-  
ального общества  
(Москва).*

**Н**ичем, кроме как злой иронией, нельзя назвать то, что два крупнейших славянских народа – российский и украинский – оказались в состоянии тяжелейшего конфликта в год столетнего юбилея создания государства, в котором они, как предполагалось, должны были жить в мире и согласии. Вековой юбилей СССР обречен был стать главной исторической вехой уходящего года – но, разумеется, он оказался заслонен текущими трагическими событиями, разыгрывающимися в самом центре его бывшей территории. Однако, несмотря на это, мы хотели бы поставить три вопроса, касающихся истории СССР, и попытаться ответить на них с учетом столетнего опыта.

### ЗАЧЕМ?

Первым, разумеется, оказывается вопрос «зачем?»: зачем было создано в известном нам виде государство, называвшееся Союзом Советских Социалистических Республик? Сам вопрос, как нам кажется, вообще не стоял таким образом перед большевиками, которые в 1917 году в результате переворота пришли к власти в самой большой в мире континентальной империи. Используя риторику всеобщего освобождения – классового, национально-

**КУЛЬТУРА  
ПОЛИТИКИ**



го и духовного, – они провозгласили наряду с лозунгами земли и мира также и лозунг права наций на самоопределение, материализовавшийся, правда, относительно лишь некоторых территорий (в основном более «европейских», чем имперская метрополия). В отношении же остальной части страны большевики строили вполне понятные замыслы: она должна была стать не более чем точкой опоры, позволяющей начать создание всемирной республики Советов, которую предполагалось расширять до тех пор, «когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединенных в наш союз»<sup>1</sup>. Соответственно, это требовало нескольких моментов: союз не должен был иметь национальной определенности; ему предстояло быть открытым для приема новых членов и потому гибким и, наконец, его надо было наделить возможностями для масштабной мобилизации людей и ресурсов, так как мир капитала не собирался сдавать своих позиций. Собственно говоря, сама цель создания СССР – как, безусловно, временного образования, призванного исчезнуть в результате мировой революции – вышла на повестку дня, как только стало понятно, что в ближайшие годы эта революция не состоится.

Однако задача оказалась не из тривиальных. Чтобы сохранить контуры (а потом и содержание) империи, Москве пришлось пойти на сложную комбинацию: фактически с созданием СССР большевики взяли назад свое второе обещание (первое, о мире, дематериализовалось практически сразу, в 1918 году, а третье, о земле, кануло в Лету с началом коллективизации). Форма нового государства активно дебатировалась несколько лет: сторонники сильной центральной власти, которая допускала бы определенные права национальных территорий (таков был план Сталина и адептов автономизации), противостояли тем, кто выступал за конфедеративную структуру из нескольких равноправных республик, имеющих широкие полномочия, включая право на выход из Союза (таково было предложение Ленина). Решение принималось под влиянием множества обстоятельств, в числе которых были и надежды большевиков на «вставание с колен» Востока<sup>2</sup> (что требовало большей степени свободы республик, способной вдохновить зарубежные трудящиеся массы), и открытое сопротивление планам автономизации со стороны республик Закавказья<sup>3</sup>, а также, в меньшей мере – Украины и Белоруссии. Итог известен: 30 декабря 1922 года в Большом театре, в Москве, был подписан договор

АЛЕКСАНДР АБАЛОВ,  
ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

СУДЬБА ОБРЕЧЕННОГО:  
К СТОЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО  
СОЮЗА

- 1 Киров С. М. *Выступление на I съезде Советов СССР // I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик: Стенографический отчет*. М.: Издательство ВЦИК, 1922. С. 15.
- 2 См.: Ленин В. И. *К вопросу о национальностях или об «автономизации»* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 356–362.
- 3 См.: SMITH J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. New York: St Martin's Press, 1999. P. 181–182.



об образовании СССР – причем созданная структура стала компромиссным образованием: не вполне централизованным государством и не вполне конфедерацией, но причудливым сочетанием обоих.

Новая империя поспешила откреститься от своей «русскости» в угоду интернационализму (иначе говоря, «великодержавный шовинизм», «грубость и несправедливость к инородцам»<sup>4</sup> были сочтены угрозами, более опасными, чем «мелкобуржуазный национализм» и появление «социал-независимцев»<sup>5</sup>) – и тем самым купила себе несколько десятилетий жизни в мире, в котором имперские структуры стремительно превращались в исторический анахронизм. Однако продлив существование, она не изменила свою природу единого сверхцентрализованного государства: это стало ясно уже в начале 1930-х, когда игры в «коренизацию» закончились, а СССР стал превращаться в систему, жестко управляющуюся из единого центра. Причиной тому мы считаем заметное сопротивление общества и части партийной верхушки коммунистическим преобразованиям, что спровоцировало репрессии и поставило на повестку дня вопрос о более прочном, нежели чисто идеологическое, основании государства.

**Сама цель создания СССР – как, безусловно, временного образования, призванного исчезнуть в результате мировой революции – вышла на повестку дня, как только стало понятно, что в ближайшие годы эта революция не состоится.**

Кроме того, экспансионистские планы Кремля, вытекавшие из желательности уничтожения при первой удобной возможности капиталистического окружения, также требовали дополнительной централизации. Однако и тут компромиссный характер государства давал о себе знать: Москва, готовясь к войне, начала кампанию по увеличению числа республик. В 1936 году Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика была расформирована и вместо нее были созданы три союзные республики: Грузинская, Армянская и Азербайджанская<sup>6</sup>. Две автономные республики в составе РСФСР – Казахская и Киргизская АССР – были выделены из нее и также

<sup>4</sup> Ленин В.И. *К вопросу о национальностях или об «автономизации»*. С. 357.

<sup>5</sup> См.: *Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину об определении порядка отношений центра с республиками, 22 сентября 1922 года // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг.* М.: РОССПЭН, 2005. С. 78.

<sup>6</sup> См.: *Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов.* М.: Политиздат, 1964. Т. 6. С. 464–465.

преобразованы в союзные<sup>7</sup>. Территории, оккупированные СССР в 1939–1940 годах, тоже получили атрибуты государственности: в 1940 году были учреждены Литовская, Латышская, Эстонская и Молдавская ССР, а Карельская Автономная Республика (в надежде на «объединение» с Финляндией) была преобразована в Карело-Финскую ССР<sup>8</sup>. Однако по мере такой трансформации стала подчеркиваться роль русского центра и русской культуры, хотя задача максимально тесного сближения народов Советского Союза в надежде на полное преодоление их этнической идентичности и слияния в некое единое целое не ставилась.

Мы не знаем, как сложилась бы история СССР, если бы на рубеже 1930-х и 1940-х страна в несколько «приемов» не вступила во Вторую мировую войну. Стоит, однако, признать, что именно последняя радикально изменила природу советского государства, завершив всякого рода творческие эксперименты, начатые большевистской революцией.

## Куда?

Великая Отечественная война стала страшной трагедией для всех народов Советского Союза, но, как ни парадоксально, она радикально изменила его природу, создав основания для некоего квазинационального единства – или даже нации, если следовать предложенному Эрнестом Ренаном определению ее как группы, «объединенной солидарностью, основанной на жертвоприношении, которое было совершено в прошлом и которое она готова повторить»<sup>9</sup>. (Ведь до 1945 года у многих населявших СССР этнических групп не было никакого опыта субъектного участия в деяниях империи: в течение всего времени нахождения в ее составе они оставались в основном объектами колонизации.)

Война и последовавшие события изменили Советский Союз как минимум в двух аспектах. С одной стороны, возник тот элемент исторического опыта, который создал единую мифологию, в равной степени относящуюся ко всей общности и при этом скорее обращенную именно на народ единой страны, а не на какие-то внешние цели. Выживание, обеспеченное общими усилиями, заменило в сознании населения абстрактные коммунистические цели. Как точно отметил Евгений Добренко, «победа в войне – это событие, в котором впервые проявила

АЛЕКСАНДР АБАЛОВ,  
ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

СУДЬБА ОБРЕЧЕННОГО:  
К СТОЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО  
СОЮЗА

7 См.: Кукушкин Ю., Чистяков О. *Очерк истории советской Конституции*. М.: Политиздат, 1987. С. 178–181.

8 Там же. С. 182.

9 RENAN E. *What is a Nation? And Other Political Writings*. New York: Columbia University Press, 2018. P. 261.



себя состоявшаяся советская нация»<sup>10</sup>. Сталин после войны избрал курс на развитие государства как основанного на сформированной советской нации<sup>11</sup>, и это направление стало доминирующим впоследствии (даже несмотря на возрождение национальных традиций в союзных республиках при Хрущеве, коммунистическая верхушка позже пришла к трактовке единого советского народа как «новой исторической общности людей»<sup>12</sup>).

С другой стороны, и значение этого момента тоже не стоит принижать, ни победа в Великой Отечественной войне, ни последовавшее вскоре и поддержанное СССР движение деколонизации не привели к реализации ранних коммунистических мечтаний о «мировой федерации пролетарских республик». ГДР, Польша, Чехословакия, Болгария, не говоря уже о Вьетнаме, Конго, Кубе или Анголе, не были приняты в Советский Союз на правах новых республик – хотя первоначальные планы большевиков предполагали обратное. Сказанное означает, что архаика перевесила революционность, а национальная реальность – коммунистические идеалы. Послевоенный СССР стал – если не на деле, то в восприятии своей правящей элиты – *de facto* национальным государством и развивался далее как таковое.

Дополнительным фактором, который укреплял (явно или латентно) такое впечатление, оказалась начавшаяся в 1947–1949 годах «холодная война». Противниками в ней по странному стечению обстоятельств оказались две сверхдержавы, каждая из которых была построена как проект – причем ни та ни другая не содержала в своем названии какой-либо исторически-этнической определенности. Но, поскольку Соединенные Штаты Америки, несомненно, развивались как политическая гражданская нация, приписывание аналогичного характера Союзу Советских Социалистических Республик было вполне естественным. Более того, это хорошо оттеняло тот факт, что обе сверхдержавы имели сателлитов, к которым они относились как к национальным государствам и формальный суверенитет которых не ущемляли (в реальности доктрина «ограниченного суверенитета» Брежнева<sup>13</sup> была очень похожа на то, чем руководствовались в отношении к «своей» части мира американцы<sup>14</sup>).

**10** Добренко Е. *Поздний сталинизм: эстетика политики*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. С. 10.

**11** Там же. С. 22.

**12** См.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. *Стенографический отчет*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 1. С. 153.

**13** См.: Брежнев Л.И. *Ленинским курсом. Речи и статьи*. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 2. С. 329.

**14** См., например: Johnson L. *Radio and Television Report to the American People on the Situation in the Dominican Republic, May 2, 1965* // *Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon Johnson, 1965, Book 1*. Washington: United States Government Printing Office, 1966. P. 469–474.

Таким образом, вопрос «куда?» становился все более риторическим: по мере того, как советская система доказывала свою жизнеспособность, она отказывалась от революционного видения своей перспективы как всемирной федерации совершенно различных стран и обращалась к концепту национального государства. Успешность советской модели, мало кем оспариваемая вплоть до середины 1970-х, укрепляла этот подход, которому в общем и целом не оставалось альтернативы, учитывая крайнюю сложность внутренней структуры СССР (в мире не было федераций, в состав которых входили бы другие федерации; между тем в Советском Союзе, помимо этого, составными частями государства оказывались национальные республики, внутри ряда которых наряду с территориями, населенными представителями титульных наций, существовали и свои этнические автономии). Поэтому, строго говоря, у СССР не было реальной альтернативы строительству нации.

АЛЕКСАНДР АБАЛОВ,  
ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

СУДЬБА ОБРЕЧЕННОГО:  
К СТОЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО  
СОЮЗА

## Ни победа в Великой Отечественной войне, ни последовавшее вскоре и поддержанное СССР движение деколонизации не привели к реализации ранних коммунистических мечтаний о «мировой федерации пролетарских республик».

Имелось, однако, одно важное «но». Несмотря на всю свою централизованность, Советский Союз оставался формальной конфедерацией, в которой центральная власть подчеркивала и «самостоятельность» республик, и богатство самобытных культур различных народов. «Русификация»<sup>15</sup> рубежа 1940-х и 1950-х сменилась расширением полномочий республиканских властей, своего рода «новой коренизацией»<sup>16</sup>. Кроме того, по мере усиления советского влияния в мире интернационализм становился элементом идеологии СССР, а его продвижение никак не предполагало ассимиляции народов внутри самого Союза. На наш взгляд, к началу 1970-х ситуация стала крайне двусмысленной: страна, которая образовалась как наследница крупнейшей колониальной империи, пережила всех

**15** Отметим, что сама власть достаточно четко устанавливала границы этой «русификации». Любые попытки усилить роль РСФСР жестко пресекались. Предъявленное фигурантам «ленинградского дела» обвинение в том, будто бы они пытались создать российскую компартию, сыграло не последнюю роль в их трагической судьбе. См.: БРАНДЕНБЕРГЕР Д. *О роли РКП(б) в «Ленинградском деле» // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г.* М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 17–24.

**16** См.: БУГАЙ Н., ЗУБКОВА Е. *Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства /* Отв. ред. Т. КРАСОВИЦКАЯ, В. ТИШКОВ. М.: Новый хронограф, 2012. С. 299.



своих собратьев и немало способствовала их развалу – но при этом сама не переставала быть империей по своей позиции, подверженной всем рискам деколонизации. На наш взгляд, именно двойственная природа СССР как государства, по сути являвшегося империей, а по форме бывшего конфедерацией и при этом так и не сформировавшего подлинного национального единства своих граждан, стала главной причиной его распада.

## Почему?

Вопрос «почему?» – почему распался Советский Союз – имеет множество ответов, однако, оценивая процесс упадка и краха крупнейшей в мире страны, нельзя не видеть, что в начале 1990-х она разделилась именно по ранее проведенным границам между национальными республиками (а внутри некоторых республик размежевания прошли и по рубежам расселения этнических групп). Очевидно и то, что в сложносоставных странах советского блока, подобных Чехословакии и Югославии, произошли схожие процессы, тогда как ГДР предпочла воссоединиться с ФРГ в единую Германию. Иначе говоря, нам представляется, что период упадка коммунизма стал в то же время временем ренессанса национальных государств на территории и по периметру пережившей свою эпоху Российской империи. Экономические проблемы, усталость от засилья идеологии, невозможность построения эффективной электоральной демократии в столь большом государстве – все эти сложности носили сугубо вторичный характер по сравнению с пробуждением национальных идентичностей.

СССР, на наш взгляд, был обречен на крах потому, что его руководство вело политику, которая создавала массу видимостей, принимавшихся им самим за данности. Современная для второй половины XX века система ценностей порождала иллюзию близости с развитыми индустриальными странами и возможности технологической конкуренции с ними. Единое гражданство федеративного государства, равные права людей, социальная мобильность, большое число смешанных браков давали основание считать страну национальным государством (на первые выступления на национальной почве коммунистическое руководство отреагировало как на вылазки «отдельных экстремистов» и внешних сил<sup>17</sup>). Наличие формальных институтов народовластия и элементов правового порядка считалось важной предпосылкой эффективной демократизации.

17 См.: Горбачев М. *Жизнь и реформы*. М.: Новости, 1995. Кн. 1. С. 497–499.



По мере развертывания перестройки стало ясно, что все эти видимости не имеют под собой серьезного фундамента. Советское руководство могло бы попытаться вернуть государству «ленинские основания» настоящей конфедерации и само запустить процесс деволуции; но делать это было нужно в период наибольшей успешности страны, в первой половине или середине 1960-х. Или, как вариант, оно могло бы активизировать строительство единой нации, перенося акцент с далекого коммунистического будущего на полувековое общее прошлое – но и это нужно было делать тогда, когда проблем никто не видел, а наблюдались одни успехи. То есть как раз в то время, когда западные империи рассыпались, советская империя должна была отреагировать на свои достижения и на проблемы своих соперников одним из двух шагов, которые были невозможны для Запада. Либо трансформацией себя в союз свободных народов, экономически и культурно привязанных друг к другу (общая граница на протяжении последующей пары десятилетий при высокой степени автономизации и сохранении экономических связей могла бы сделать такую структуру вполне жизнеспособной, сняв деструктивный потенциал стремлений к суверенитету). Либо формированием на месте империи единого национального государства с предоставлением гражданам окраин еще более инклюзивной системы аффирмативных действий – в обмен на переформатирование страны, предполагающее отказ от национально очерчиваемых республик (это тоже могло бы сработать, если бы новая система просуществовала хотя бы четверть века и продемонстрировала способность к развитию).

Иначе говоря, именно в 1960-е, когда СССР достиг своего расцвета, а повсюду в мире национализм имперских окраин превращался в ведущую силу переустройства мирового порядка, советское руководство должно было решиться на радикальные перемены в национально-государственных устоях страны. В фазе же относительного упадка провести реформы было уже невозможно. Именно пресловутый «национальный вопрос» и стал главной «причиной смерти» Советского Союза, а все остальные проблемы имели явно второстепенный характер.

\* \* \*

Советский Союз распался относительно мирно – и основными причинами тому, на наш взгляд, были два обстоятельства. Во-первых, в сознании значительной части населения (и даже номенклатуры) процесс не рассматривался именно как распад – скорее в нем видели обновление. И партийная верхушка, и





граждане практически не допускали мысли о полном исчезновении единого государства; речь шла о подлинной конфедерации с избавлением от КПСС и минимизацией роли центра. Когда стало ясно, что ситуация развивается по иному сценарию, было уже поздно: никакие насильственные действия не могли ничего изменить. Во-вторых, начиная с 1960-х за кулисами образцового интернационального государства стало оформляться доминирование во всех сферах элиты русских, украинцев и белорусов – своего рода «триединого народа», о котором говорили еще со времен царствования Алексея Михайловича<sup>18</sup>. Такой процесс породил отношение к большинству прочих республик как к окраинным колониям, избавление от которых не станет значительной проблемой (это идеально проявилось и в составе участников знаменитой встречи в Беловежской пуще). Поэтому роспуск СССР не виделся трагедией – особенно в условиях, когда его «бонусами» считались избавление от коммунистической системы и ускорение назревших экономических реформ.

Мог ли Советский Союз пережить перестройку и продолжить свое существование? Мы однозначно полагаем, что нет: противоречивая структура его квазиимперской организации не допускала иного сценария. Страна была изначально обречена – и при этом не из-за невозможности достичь заявленного коммунистического идеала или неспособности достойно выступить в технологическом соревновании с западными державами, а именно по причине отсутствия четкого плана трансформации империи в нечто ей противоположное, неспособности учесть опыт и уроки деколонизации и, наконец – что мы наблюдаем сегодня, – неумения выстроить отношения даже внутри изначального «имперского ядра». И если исходный акт имперского распада, на наш взгляд, сопоставим по цивилизованности и последствиям с роспуском Британской империи (в обоих случаях основные вспышки насилия возникали не на линии отношений метрополии с колониями, а в отношениях между отдельными ранее периферийными территориями), то последующая история, далеко еще не закончившаяся, указывает на то, что модернизация имперского центра окажется намного более сложной проблемой, чем его развод с периферией.

**18** См.: Плохий С. *Потерянное царство: поход за имперским идеалом и сотворение русской нации (с 1470 года до наших дней)*. М.: АСТ; CORPUS, 2021. С. 72–76.